

В. В. Согрин<sup>1</sup>

## ИСТОРИОГРАФИИ РОССИИ И США: СОВРЕМЕННЫЙ ДИАЛОГ

Взаимоотношения историографий России и США прошли в своем развитии два периода: *советский* и *постсоветский*. Лейтмотивом советского периода было *противоборство* двух историографий — претензия каждой на монополию исторической истины, хотя не исключалось определенное сотрудничество. В постсоветский период ведущие позиции занимает *диалог* историографий, хотя не исчезает и противоборство, которое зависит от изменения внутривнутриполитических реалий в каждой из стран, а также от их взаимоотношений на международной арене.

В советский период отечественная американистика опиралась на формационное учение и классовый подход, что предопределяло ее противостояние с американской исторической наукой. Примем во внимание и тот факт, что в советской исторической науке существовало специальное направление — критика и борьба с буржу-

азными фальсификациями истории, которое было необычайно влиятельным. Львиная доля историографических конференций советского периода была посвящена именно борьбе с буржуазной или, как часто говорили, *антимарксистской историографией*. Несть числа докторским и кандидатским диссертациям, посвященным критике антимарксистской историографии, при этом главным ее представителем, можно сказать, авангардом неизменно оказывалась историческая наука США.

Ситуация стала резко меняться во второй половине 1980-х годов, в период горбачевской перестройки. Курс М. С. Горбачева на прекращение холодной войны, развитие взаимопонимания и сотрудничества с США имел следствием смягчение идеологической конфронтации между двумя странами и, конечно же, между их историографиями. Эти тенденции усугубились в период президентства Б. Н. Ельцина (1991–1999), который объявил Россию и США однородными цивилизациями. Новые времена наступили и в российском общественном сознании, в том числе в историографии и американистике. Часть российских американистов при изучении США отказалась от формационного подхода в пользу цивилизационного (большая часть американистов пыталась объединить два подхода). Были восприняты методологии и теоретические разработки западных социальных наук (политологии, социологии, антрополо-

<sup>1</sup> Руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Главный редактор журнала «Общественные науки и современность», председатель Российской ассоциации историков-американистов. Автор многих научных публикаций, в т. ч.: «Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века», «Политическая история США», «Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина», «История США», «Исторический опыт США», «Демократия в США. От колониальной эры до XXI века».

гии и др.), так что российское обществознание, в том числе американистика, стало опираться на новую междисциплинарность, радикально отличную от прежней, марксистско-ленинской. В результате прежние гиперкритические оценки американского исторического опыта стали меняться на более взвешенные, синтезирующие разные его стороны.

Соответственно изменилось и отношение к западному обществознанию и исторической науке. Начиная со второй половины 1980-х годов вплоть до сегодняшнего дня наблюдается бум переводов и изданий на русском языке западных работ, в первую очередь американских политологов, социологов, экономистов, историков, международных. Произошла реабилитация американской советологии. Еще больше было переведено на русский язык и издано работ американских авторов по истории США. Теперь среди них доминировали те, кого в советский период причисляли к консервативной (консенсус) и либеральной школам. В течение последних двух десятилетий количество работ этих авторов, переведенных на русский язык, значительно превысило количество книг американских левых историков, изданных в СССР в течение 70 лет. Назову наиболее именитых либеральных и консервативных историков США, работы которых были переведены на русский язык: Б. Бейлин, Д. Бурстин, М. Лернер, А. Шлезингер-младший, Ф. Дж. Тернер, Л. Харц.

Если российская историография обнаружила готовность к диалогу, то американская историческая наука сохраняла менторский тон, негативные последствия эпохи холодной войны. Основное следствие заключается в том, что многие представители американской исторической науки произносят «приговоры» и «выговоры», выступают в роли представителей нации, наделившей себя по собственной воле миссией распространения передовой науки и культуры, построения мировой демократии.

Матрица конфронтации еще сохраняет прочные позиции во взаимоотношениях историографий двух стран. Возлагать вину за это только на американских ученых было бы явным преувеличением. Российская ментальность также содержит конфронтационные черты, которые не могут не влиять на историческую науку. В 2000-е годы конфронтационное начало в отношении России к США по сравнению с 1990-ми усилилось. Это отразилось на переводимых и издаваемых в России книгах американских авторов. Если в 1990-е годы среди этих книг доминировали работы либеральных и консервативных авторов, создающих в высшей степени позитивный образ Америки, то в 2000-е годы все больший удельный вес занимают авторы, жестко критикующие Америку. Это в основном радикальные исследователи, такие как М. Паренти, Г. Зинн, Г. Видал, а также консерватор-традиционалист П. Бьюкенен, которые жестко критикуют внутреннюю и внешнюю политику США. Показательно, что российские книжные издательства, печатающие эти книги за счет патрио-

тических отечественных спонсоров (в 1990-е гг. американские авторы издавались преимущественно при финансовой поддержке Информационного агентства США), публикуют их в рубрике «Америка против Америки». То есть читателю хотят сказать: пороки и недостатки Америки реальны, если признаются самими американцами, а не отечественным агитпропом.

Итак, и для американской, и для российской историографии остается актуальной задачей смена *противоборства* на *диалог*. Кратко сформулируем различие между двумя категориями. Противоборство означает стремление к научной монополии, дискредитации и устранению оппонента-соперника, а диалог — взаимобмен научными результатами и дискуссией в целях совместного приближения к научной истине, что предполагает восприятие рациональных аргументов оппонента, выводов, достоверных фактов. *Противоборство* — это «игра с нулевой суммой», а *диалог* — научное обогащение каждой стороны за счет убедительных аргументов и неопровержимых фактов оппонента, приращение общего знания в интересах исторической науки в целом. Необходимо признать, что культура диалога в российской историографии еще не сформирована, у многих историков она отсутствует.

Развитие режима диалога во взаимоотношениях двух историографий не означает стирания различий между ними. Они сохраняются по мировоззренческим различиям. Примером современной идеологической национальной особенности, влияющей на историческую науку США, но чуждой российской американистике, является *политкорректность* — набор мировоззренческих установок, оформившихся в американском обществе, в первую очередь в либеральных кругах (но ее не могут игнорировать и консерваторы), под воздействием общественно-политических процессов и изменений последней трети XX века. Многие историки в своем исследовательском видении подчинились либеральной политкорректности, которая фактически наложила табу на критические суждения относительно афроамериканского, равно как и женского, движения. Важнейшие события прошлого, такие как Война за независимость США, Гражданская война, прогрессивная эра начала XX века и «новый курс» 1930-х годов стали оцениваться не столько в связи с их позитивными нововведениями по сравнению с предшествующими эпохами, сколько в связи с неспособностью обеспечить равные права афроамериканцам, женщинам и другим «угнетенным» социальным группам.

Все вышесказанное свидетельствует, что у российских американистов есть основания отстаивать и развивать собственную исследовательскую позицию в постижении исторического опыта США. Я формулирую эту позицию так: раскрывать и исследовать максимально полно разнообразные явления и стороны американской истории, все ее «плюсы» и «минусы» и стремиться к установлению их объективного соотношения, *точной меры*.